

На правах рукописи

Башкова Елена Викторовна

**МИФООБРАЗ МАТЕРИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ
1970-2010-Х ГОДОВ**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва

2017

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: **Огнева Елена Владимировна**
кандидат филологических наук,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник
кафедры истории зарубежной литературы

Официальные оппоненты: **Гирин Юрий Николаевич,**
доктор филологических наук,
ИМЛИ им. А.М. Горького РАН,
ведущий научный сотрудник
Отдела литератур Европы и Америки
Новейшего времени

Согомонян Мариам Кероповна
кандидат филологических наук,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, факультет
Международной школы бизнеса и мировой экономики,
доцент кафедры иностранных языков № 3

Ведущая организация: **Центр культурологических исследований Института
Латинской Америки РАН**

Защита состоится «11» мая 2017 г. в _____ на заседании диссертационного совета
Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по
адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й
учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова и на сайте <http://www.philol.msu.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2017 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории зарубежной литературы

 А. В. Сергеев

МИФООБРАЗ МАТЕРИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ 1970-2010-Х ГОДОВ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Новый латиноамериканский роман», заявивший о себе в середине XX века и сделавший литературу континента объектом пристального внимания исследователей всего мира, уже в 70-е годы породил и поколение писателей-последователей, и поколение тех, кто так или иначе вступал с ним в диалог и в спор. Писатели «постбума», «бум-юниоры», создатели «новой новой» латиноамериканской прозы¹ отреагировали на стремительные перемены, происходящие в странах континента на политическом, культурном, этническом и гендерном уровнях. А на рубеже 80-90-х годов возросший интерес латиноамериканских писателей к эпохе первооткрывателей и Конкисты обусловил обновление исторического романа. Роман такого типа актуализировал множество ключевых исторических фигур и источников. В частности, он обращается по-новому к женским образам, переосмысляет и реабилитирует их. Именно такая трактовка женских образов и обретаемое ими новое качество является основной темой нашего исследования. В латиноамериканской литературе второй половины XX века-начала XXI века появляется образ женщины-Матери, изображаемой в исторической перспективе.

Создавая образную концепцию латиноамериканской жизни, писатели конструируют художественные миры, в которых моделируется их представление об объективных исторических событиях. В процессе самоосознания и самоидентификации они создают национальные мифообразы, важнейшими из которых стали универсальные представители нации.

В проведенном исследовании мы проследили процесс постепенной трансформации женских образов в латиноамериканской литературе и формирования из них национальных мифообразов, ставших важными историко-культурными символами самоидентификации нации. В их число входят, например, **образ Малинче** в мексиканской культуре и **образ Эвиты** – в аргентинской.

¹ Shaw D. L. Nueva narrativa hispanoamericana. – Madrid: Cátedra, 2008; Hutcheon L. and Váldez M. J. Rethinking Literary History. – Oxford New York: Oxford University Press, 2002; Hoffmann G. and Hornung A. Eds. Postmodernism and the Fin de Siécle. – Heidelberg: University of Heidelberg, 2002; Hutcheon L. A poetics of Postmodernism. – London: Routledge, 1988; Shaw D. L. Towards a description of the post-boom.// Bulletin of Hispanic Studies, 66, 1, 1989. p. 87-94; Shaw D. L. The Post-Boom in Spanish American Fiction. – New York, State University of New York, 1998; Swanson P. Conclusion: After the boom.//Landmarks in Modern Latin American Fiction. – London-New York: Routledge, 1990; Ortega J. Postmodernism in Latin America.//Postmodern Fiction in Europe and the Americas. – Amsterdam-Antwerpen: Rodopi-Restant, 1988. p. 193-208.

По нашему глубокому убеждению, во второй половине XX-начале XXI вв. тема Матери/Прамати, равно как и переосмысление и реабилитация женских образов, к которому обращаются писатели, стала лейтмотивом латиноамериканской литературы. В произведениях рассматриваемого периода постоянно взаимодействуют традиционные и новаторские способы изображения; обращение к фантастике не отменяет социального критицизма, а мифологизм не только не отрицает историзма, но, наоборот, придает ему достоверность национального своеобразия.

Расширение арсенала изобразительных средств как за счет включения элементов народного мифотворчества, прежде всего индейского и африканского, так и опыта западного романа XX в. позволило писателям раскрыть внутреннюю конфликтность сознания латиноамериканцев, как следствие исторического дуализма наций. Воссоздавая характерные черты жизни, писатели вместе с тем вводят женскую тему в широкую общенациональную перспективу.

Основная цель нашей работы – описать сложившийся к настоящему времени мифообраз Матери, определить его роль и значимость в процессе самоидентификации и самоутверждения нации, проанализировать процесс формирования этого мифообраза в национальных культурах на примере трансформации образа реальных исторических фигур женщин, сыгравших ключевую роль в истории своей страны. Такими фигурами оказались в Мексике Малинче, воплотившая в себе архетипические черты **мифообраза Прамати** и амбивалентную сущность метисной нации, вобравшая в себя мифологические черты Ла Йороны-губительницы и Девы Гвадалупской-заступницы, и в Аргентине Эвита Перон, ставшая заступницей и **«Матерью нации»** в результате осознанного мифотворчества сначала политиков, затем – коллективного сознания аргентинского народа, а потом и писателей.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- выявить мифообраз Матери/Прамати как значимую часть латиноамериканского «художественного образа мира» и определить характер его развития в литературе XX века и особенно в «новом» историческом романе;
- раскрыть роль образа женщины и Матери/Прамати в контексте национальной культуры, выявить мифологические черты образа, в том числе индейские корни сюжета;
- проанализировать мифообраз Прамати – Малинче в контексте мексиканской литературы и культуры, проследив его формирование и развитие в сознании мексиканцев с XVI по XXI вв.;

- рассмотреть образ Малинче сквозь призму литературных произведений о ней XX-XXI вв., определить ее роль в процессе самоутверждения мексиканской нации;
- выявить предпосылки и механизмы формирования национального мифообраза Матери в аргентинской литературе и культуре;
- проследить развитие образа Эвиты в аргентинской литературе второй половины XX-начале XXI вв., проанализировать образ Эвиты как «Матери нации» в романе Абея Поссе «Страсти по Эвите».

Объектом диссертационного исследования стал корпус произведений латиноамериканских писателей 1970-2010 гг. Также были рассмотрены индейские кодексы, испанские хроники, произведения начала и середины XX века, которые нам понадобились для выявления истоков и предпосылок формирования мифообраза Матери/Праматери в латиноамериканской литературе уже во второй половине XX века.

Предметом данного исследования стал мифообраз Матери/Праматери в латиноамериканском романе 1970-2010-х годов, в мексиканской (Малинче) и аргентинской (Эвита Перон) культуре и литературе.

Степень изученности вопроса. В зарубежном и отечественном литературоведении по сей день нет специальных работ, посвященных мифообразу женщины и Матери в латиноамериканском романе XX века. Отдельные плодотворные идеи есть в работах о женских образах, о виоленсии², о празднике как части латиноамериканской культуры³, о падшей женщине⁴. Важные теоретические установки о полноценности латиноамериканских женских образов и удивительных способностях, которыми они обладают, содержатся в трудах и выступлениях И.А. Тертерян⁵.

Для более полного осмысления функционирования мифообраза Матери/Праматери в общей картине латиноамериканской мифологической инфраструктуры в культуре и

²Кутейщикова В.Н. Роман Латинской Америки в XX веке. – М., 1964; Формирование национальных литератур Латинской Америки./ Отв. ред. В. Н. Кутейщикова. – М., 1970; Кутейщикова В.Н., Осповат Л.С. Новый латиноамериканский роман. – М., 1976.

³Iberica Americans. Механизмы культурообразования в Латинской Америке./ Отв. ред. В.Б. Земсков. – М., 1994; Iberica Americans. Тип творческой личности в латиноамериканской культуре / Отв. ред. В.Б. Земсков. – М., 1997; Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре./ Отв. ред. В.Б. Земсков. М., 2002

⁴Мельникова Н.Н. Архетип грешницы в русской литературе конца XIX - начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / Мельникова Н.Н. - М., 2011. - [Электронный ресурс]. - URL: ([открыть ссылку](#)) (16.02.2017).

⁵Тертерян И. Человек мифотворящий: О литературе Испании, Португалии и Латинской Америки. – М.: Советский писатель, 1988; Художественное своеобразие литератур Латинской Америки (отв. Ред. И.А. Тертерян). – М.: Наука, 1976.

литературе мы обращались к работам Ф. Аинсы⁶, Ю.Н. Гирина⁷ и А. Ф. Кофмана разных лет, которые и стали методологической основой нашего исследования. Особую значимость имеет теоретическое исследование «Латиноамериканский художественный образ мира» (1997), в котором А.Ф. Кофман впервые выделяет в литературе Латинской Америки многие устойчивые образы, мотивы, константы и бинарные оппозиции. Опираясь на разработки этих ученых и исследователей, в данной работе мы продолжили начатый ими разговор.

В зарубежном литературоведении существует достаточно обширный корпус исследований о Малинче. Наиболее фундаментальные исследования принадлежат Сандре Мессинджер Сайпс⁸, Фрэнсису Карттунену «Переосмысливая Малинче»⁹, Анне Ланьон «Конкиста Малинче»¹⁰ и Марго Гланц «Донья Марина и Капитан Малинче»¹¹. В своей статье «Переосмысливая Малинче» Фрэнсис Карттунен прослеживает как на протяжении веков формировался и менялся миф о Малинче. Он справедливо отмечает, что негативное восприятие Малинче как предателя было сформировано по сути только на основании эпизода резни в Чолуле, описанного Лопесом де Гомарой, Берналем Диасом дель Кастильо и самим Кортесом.

В своей книге «Малинче в мексиканской литературе: От Истории к Мифу» Сандра Мессинджер Сайпс отмечает, что в это время Малинче становится знаковой фигурой, символом перемен для всех последующих поколений мексиканцев. Сайпс настаивает на том, что в тот момент, когда подруга Кортеса превращается в символическую фигуру, она становится частью мексиканского культурного мифа о Малинче. После Войны за Независимость происходит некое переосмысление и переоценка фигуры конкистадора-завоевателя, многих ценностей – то, что раньше имело положительную коннотацию, приобретает негативную окраску. Отныне авторы, обращаясь к образу Малинче, по-разному

⁶Aínsa F. *Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa*. – Madrid: Gredos, 1986.

⁷ Гирин Ю.Н. *Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры*. – СПб: Алетейя, 2008; Гирин Ю.Н. *Функция мифа в культуре Латинской Америки.// Миф и художественное сознание XX в.* – М.: Канон, 2011; Гирин Ю.Н. *Латинская Америка: идентичность или самость?// Исторический журнал: научные исследования*. 2012. N 1.

⁸ Cypess Messinger S. *Arquetipos viejos, madres nuevas: La problemática de la madre en la formación de la identidad nacional mexicana.// Nuevas ideas; viejas creencias. La cultura mexicana hacia el siglo XXI*. Ed. Margarita Alegría de la Colina. – México: Azcapotzalco, 1995. p. 187-205; Cypess Messinger S. *La Malinche en Mexican Literature: From History to Myth*. – Austin, TX: U of Texas P, 1991; Cypess Messinger S. *Revisión de la figura de la Malinche en la dramaturgia Mexicana contemporánea.// Cuadernos Americanos* 7. 40 (1993). p. 208-222.

⁹Karttunen F. *Rethinking Malinche.// Indian Women of Early Mexico.*/ Ed. Susan Schroeder. – Norman: U of Oklahoma P, 1997. p. 290-312.

¹⁰Lanyon A. *Malinche's Conquest*. St. Leonards. – Australia: Allen & Unwin, 1999.

¹¹Glantz M. *Doña Marina and Captain Malinche.// Bilingual Games: Some Literary Investigations.*/ Ed. Doris Sommers. – New York: Palgrave MacMillan, 2003. p. 153-161; Glantz M. *La Malinche: Sus padres y sus hijos*. – México: UNAM, 1994.

интерпретируют ее жизнь – она предстает как предательницей, так и спасительницей, как соблазнительницей, так и мексиканской Евой.

Гланц объясняет амбивалентность и парадоксальность образа Малинче: ведь с одной стороны ее восхваляют за то, что она помогла испанцам в завоевании Мексики, став родоначальницей новой нации и новой культуры, с другой же стороны ее осуждают за то, что она предала индейцев, положив конец великой ацтекской империи.

В своей монографии Роджер Бартра¹² впервые выдвигает предположение, что Малинче помогает испанцам из чувства мести и желания сменить деспотичные и жестокие устои и традиции ацтекской империи. Он утверждает, что во времена Конкисты у индейцев не существовало никакого понятия нации в современном понимании, и каждое племя мыслилось самодостаточным обществом и народом, и именно поэтому Малинче не может быть предателем. Малинче была необычной женщиной, чьи неординарные способности сделали возможным завоевание Мексики.

Джин Франко¹³ в свою очередь очерчивает круг проблем национального самоосознания и поиска самоидентичности после Войны за Независимость. Он считает, что превращение Малинче в своеобразного «козла отпущения» было неизбежно в machista социуме мексиканской культуры, которой требовался национальный предатель, а лучше предательница для самоутверждения «героев».

В статье, посвященной женским архетипам в мексиканской литературе, Луис Леаль¹⁴ говорит о том, что в мексиканской литературе так же, как и в обществе, существует оппозиция между образами «хорошей» и «плохой» женщины. Если первая соотносится с чистотой и непорочностью Девы Гвадалупской – заступницей индейцев, метисов и креолов, то вторая – с лукавством Малинче, предавшей родину и помогавшей врагу. Такое разграничение нам не кажется оправданным, ведь, несмотря на обличительные мотивы в мексиканской литературе, в данной работе мы как раз прослеживаем амбивалентность образа Малинче, развитие которого в художественной литературе к концу XX века обнаруживает тенденцию к слиянию с образом Девы Гвадалупской.

¹² Bartra R. *The Cage of Melancholy: Identity and Metamorphosis in the Character.* / Trans. Christopher J. Hall. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1992.

¹³ Franco J. *Plotting Women.* – New York: Columbia University Press, 1989.

¹⁴ Leal L. *Female Archetypes in Mexican Literature.* // *Women in Hispanic Literature: Icons and Fallen Idols.* / Ed. Beth Miller. – Berkeley: University of California Press, 1983.

В своем исследовании об участии женщин в военных событиях мексиканской истории Элисабет Салас¹⁵ рассматривает Малинче как первую женщину-солдата (*soldadera*) в истории Мексики. А Айрис Бланко¹⁶ уверена, что мексиканские политики, историки, да и общество в целом до сих пор зачастую манипулировали фактами истории, принижая роль женщин, нивелируя их исторический вклад в становление нации.

Мэри Луис Пратт¹⁷ рассматривает произведения писателей-чиканос, которые обращаются к образу Малинче, переосмысляя его в положительном ключе. Исследовательница считает, что таким образом авторы пытаются найти некую точку опоры и дать достойный ответ строгому мексиканскому обществу, которое зачастую называло женщин-чикано, вышедших замуж за американцев, или ставшими их любовницами, – «малинчес», то есть предательницами.

Аделаида дель Кастильо¹⁸ и Норма Аларкон¹⁹ рассматривают образ Малинче сквозь призму чикано-литературы также в позитивном ключе. Они считают мексиканских женщин и писательниц-чикано, долгие годы угнетаемых мужчинами и обществом, символическими дочерьми Малинче, которую в свое время также недооценили. Кастильо наделяет Малинче незаурядным умом и смелостью, которые позволили ей во время Конкисты быть не только переводчиком, но и действовать по собственной инициативе, принимать важные стратегические решения. Также Кастильо справедливо отмечает, что Малинче дает начало новой нации метисов – мексиканцев, становится мексиканской Евой, Праматерью нации. Однако, как было отмечено выше, исследовательницы сужают значимость образа Малинче до «женской темы», в то время как именно к концу XX века она приобретает универсальный масштаб в мексиканской культуре и литературе.

В своей статье «Другой бум» испаноамериканской прозы» Альваро Сальвадор²⁰ заявляет о том, что стойкий интерес писателей к образу Малинче, его переосмыслению нельзя сводить лишь к его рассмотрению в качестве неистощимого источника для «женской литературы» или литературы чиканос. Эта пограничная фигура объединяет мужской и

¹⁵ Salas E. *Soldaderas in the Mexican Military*. – Austin: University of Texas Press, 1990.

¹⁶ Blanco I. *Participación de las mujeres en la sociedad prehispánica*.// *Essays on La Mujer*. /Ed. Rosaura Sánchez and Rosa Martínez Cruz. – Los Angeles: University of California, 1977.

¹⁷ Pratt M. L. *Yo Soy La Malinche*. – *Callaloo*, 16.4 (1993). p. 859-873.

¹⁸ Castillo A. del. *A Preliminary Look into a New Perspective*.// *Essays on La Mujer*, ed. Rosaura Martínez Cruz. – Los Angeles: Chicano Studies Center, 1977.

¹⁹ Alarcón N. *Chicana's Feminist Literature: A Revision Through Malintzin: Putting Flesh Back on the Object*.// *This Bridge Called My Back*./ Ed. Cherríe Morraga and Gloria Anzaldúa. – New York: Kitchen Table Press, 1983.

²⁰ Salvador Á. *El otro Boom de la narrativa hispanoamericana: los relatos escritos por mujeres en la década de los ochenta*.// *Revista Crítica Literaria Latinoamericana* 41 (1995): p. 165-175.

женский дискурсы, открывая путь к самоосознанию мексиканцами своего места в быстро меняющемся мире.

В отечественном литературоведении образ Малинче не становился предметом отдельного исследования. Краткие упоминания о Малинче можно встретить в книге А.Ф. Кофмана «Кортес и его капитаны»²¹, в исследованиях этнических литератур А.В. Ващенко²², Е.А. Принеслик²³ и Я.В. Сорокиной²⁴. Отдельного внимания заслуживают работы Т.В. Воронченко, в частности ее монография «Мексикано-американский феномен в литературе США»²⁵. Рассматривая литературу писателей-чиканос, автор проводит анализ развития в их произведениях образов Малинче, Ла Йороны и Девы Гвадалупской, которые имели большое значение в процессе культурно-исторической самоидентификации чикано.

Подчеркнем, что как мифообраз фигура Малинче до сих пор не становилась предметом последовательного изучения в отечественном литературоведении.

Образ Эвы Перон так же, как Малинче, став предметом изучения многих зарубежных литературоведов и критиков, практически выпал из поля зрения отечественных. Однако, несмотря на обилие работ, посвященных этим выдающимся историческим фигурам в латиноамериканской литературе и культуре, постоянное развитие и неиссякаемый интерес к ним открывают новые горизонты для исследования.

В своем исследовании «Женское тело, страдание и нация» американский литературовед Вивиана Плотник проанализировала двадцать одно литературное произведение об Эве Перон и условно тематически выделила семь групп.

В сборнике «Эвита. Мифы и воплощения» под редакцией Марисы Наварро²⁶ собраны статьи и эссе, посвященные феномену Эвы Перон, формированию мифообраза Эвиты сквозь призму архивных документов и кинолент, фильмов, музыкальных и литературных

²¹Кофман А.Ф. Кортес и его капитаны. – М.: ООО «Издательство «Пан пресс», 2007.

²²Ващенко А. В. Суд Париса: сравнительная мифология в литературе, культуре и цивилизации. – М., МГУ им. Ломоносова, 2008.

²³Принеслик Е.А. Эволюция романного творчества Аны Кастильо: на материале произведений 1986 - 2007 годов: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: Чита, 2013.

²⁴Сорокина Я.В. Образ Плакальщицы (Ла Йороны) как фактор становления этнокультурного самосознания мексикано-американцев: монография / Я. В. Сорокина. – Москва: МАКС Пресс, 2011; Сорокина Я.В. Образ Плакальщицы (Ла Йороны) как фактор становления этнокультурного самосознания мексикано-американцев: автореф. дис. ... канд. культурол. – М, 2009.

²⁵Воронченко Т.В. Мексикано-американский феномен в литературе США. 4.П, МГУ, фак-тет журналистики, 1992.

²⁶Evita. Mitos y representaciones. Ed. Marysa Navarro. – Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2003.

произведений. Для нас наиболее интересными оказались статьи Анны Марии Амар Санчес²⁷, Нины Херасси-Наварро²⁸ и Андреса Авельянеды²⁹.

В своей монографии Паола Кортес Рокка и Мартин Кохан размышляют над тем, какими способами специально был сконструирован образ Эвиты в аргентинском культурном сознании, как он воспроизводился в политическом и культурном поле страны уже после ее смерти, однако исследователи не рассматривают его литературные воплощения³⁰. В статье об автобиографии Эвы Перон «Смысл моей жизни» Дэвид Вильям Фостер выявляет метафорические параллели между историей всей Аргентины и историей злоключений тела Эвиты³¹.

В своих исследованиях Эльжбета Шкловска³², Матиас Барчино³³, Ллойд Дэвис³⁴, Гвендолин Диас³⁵ и Ольга Стейнберг де Каплан³⁶ рассматривают концепт «нового» исторического романа в творчестве А. Поссе, Т.Э. Мартинеса и др., выявляя причины осознанного обращения авторов к избранному типу повествования. Особо выделить хотелось бы фундаментальный труд Мерседес Кано Перес³⁷, посвященный творчеству Абеля Поссе. Некоторые наблюдения литературоведов были нами переосмыслены при анализе мифообраза Эвиты в аргентинской литературе.

Грасиэлла Мичелотти Кристоаль³⁸ отмечает, что во многих художественных произведениях Эвита показана, как пассивный персонаж, которому навязывают извне шаблоны поведения, и наделяют почти сверхъестественными качествами, не имеющими

²⁷Amar Sánchez A. M. *Evita: cuerpo político/ imagen pública.* //Evita. Mitos y representaciones. /Ed. Marysa Navarro. – Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2003. p. 43-64.

²⁸Gerassi-Navarro, N. *Las tres Evas: de la historia al mito en cinemascopio.* //Evita. Mitos y representaciones. /Ed. Marysa Navarro. – Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2003. p. 65-100.

²⁹Avellaneda, A. *Evita: cuerpo y cadáver de la literatura.* //Evita. Mitos y representaciones./ Ed. Marysa Navarro. – Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2003, p. 101-141.

³⁰Cortés Rocca P., Kohan P. y M. *Imágenes de vida, relatos de muerte. Eva Perón: cuerpo y política.* S/I: Beatriz Viterbo Editora, 1998.

³¹Foster D. W. *Narrative Persona in Eva Perón's La razón de mi vida.* // Woman as Myth and Metaphor in Latin American Literature./ Carmelo Vigilillo y Naomi Lindstrom, eds. – Columbia: U. of Missouri P., 1985. p. 63-77

³²Skłodowska E. *Parodia y metahistoria: la novelística de Abel Posse.*// Utopías del Nuevo Mundo/ Utopias of the New World. – Praga: Charles U., 1993 p. 266-71.

³³Barchino M. *La novela biográfica como reconstrucción histórica y como construcción mítica: el caso de Eva Duarte en La pasión según Eva, de Abel Posse.*// La novela histórica a finales del siglo XX./ Eds. José Romera Castillo, Francisco Gutiérrez Carbajo y Mario García Page. – Madrid: Visor, 1996. p. 149-157.

³⁴Davies L. H. *Portrait of a Lady: Postmodern Readings of Tomás Eloy Martínez's Santa Evita.*// The Modern Language Review 95, 2 (2000). p. 415-423.

³⁵Díaz G. *Making the Myth of Evita Perón: Saint, Martyr, Prostitute.*// Studies in Latin American Popular Culture 22 (2003). p. 181-192.

³⁶Steimberg de Kaplán O. *El problema de la verdad en la nueva novela histórica. La obra de Tomás Eloy Martínez.*// Alba de América (1999). p. 187-195.

³⁷Cano Pérez M. *Imágenes del mito: la construcción del personaje histórico en Abel Posse.*/ prólogo de Beatriz Aracil Varón. – Alicante : Universidad de Alicante, 2010.

³⁸Michelotti-Cristóbal G. *Eva Perón: mujer, personaje, mito.*// Confluencia 13, 2 (1998). p. 135-144.

ничего общего с реальными. Об этом же рассуждает Вивиана Плотник, говоря о произведениях, описывающих болезнь и смерть Эвы Перон, которые вошли в первую и вторую группы ее классификации.

В процессе работы над данным диссертационным исследованием также были изучены и переосмыслены работы Х.Б. Нейрета³⁹, С. Пеллароло⁴⁰, Дж. Чайлда⁴¹, К. Бишоп⁴², К. Насси⁴³, М. Шварц⁴⁴ и многие другие, которые так или иначе затрагивают образ Эвиты Перон или могли послужить отправной точкой для наших изысканий.

Несмотря на то, что в отечественном литературоведении по сей день нет специальных работ, посвященных мифообразу женщины в латиноамериканском романе XX века, в частности образам Малинче и Эвиты Перон как воплощениям мифообраза Матери/Праматери, многие из них стали важной частью методологической базы нашего исследования.

В связи с этим представляется **актуальным** наше обращение к теме трансформации **мифообраза Матери** в латиноамериканской литературе конца XX–начала XXI вв. Эта актуальность определяется и культурно-значимым опытом использования образа женщины и Матери в латиноамериканской литературе в качестве важнейшего элемента в процессе самоидентификации и формирования этнокультурного и национального самосознания.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что до настоящего момента как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении не было исследования, которое ставило бы своей целью изучение мифообраза Матери в латиноамериканской литературе на примере реальных исторических фигур, сыгравших ключевую роль в истории своей страны. Наиболее яркими воплощениями мифообраза Матери стали фигура Малинче в Мексике, и фигура Эвиты Перон в Аргентине. В данной работе мы не только выявили

³⁹Neyret J. P. Novela significa licencia para mentir.// Entrevista con Tomás Eloy Martínez. Espéculo: Revista de Estudios Literarios 22 (Nov. 2002-feb. 2003). [Электронный ресурс] http://www.ucm.es/info/especulo/numero22/t_eloym.html (дата обращения: 23.07.2016).

⁴⁰Pellarolo S. The Melodramatic Seductions of Eva Perón.// Corpus Delecti: Performance Art of the Americas. /Ed. Coco Fusco. – Nueva York: Routledge, 2000. p. 23-39.

⁴¹Child J. Popular Culture in the Perón Years: a Philatelic Approach.// Studies in Latin American Popular Culture 28 (2008). p. 1-17.

⁴²Bishop K. Myth Turned Monument: Documenting Historical Imagery in Buenos Aires and Beyond.// Journal of Modern Literature 30.2 (2007). p. 151-162.

⁴³Nasi K. Eva Perón in the Twenty-First Century: The Power of the Image in Argentina.//International Journal of the Image 2.1 (2012). p. 99-106.

⁴⁴Schwartz M. Proper Corruption: Index and Metaphor in Photographs of the Embalmed Corpse of Eva Perón.// Framework 51.1 (2010). p. 7-32.

мифообраз Матери как новый аспект латиноамериканского образа мира, но и рассмотрели разнообразные инварианты его воплощения в литературе Латинской Америки XX-XXI вв.

Методологическая база исследования. Исследование проводилось на основе комплексного подхода с применением разнообразных методов анализа таких, как мифокритический (Е.М. Мелетинский), структурно-семиотический (Ю.М. Лотман), интертекстуальный (Н. Пьеге-Гро, В.Н. Топоров, Н.А. Фатеева), биографический (Ш.О. Сент-Бёв), текстологический (Д.С. Лихачев, Б.В. Томашевский), культурологический (Л.М. Баткин, В.Е. Хализев) и гендерный (О.В. Рябов, Н.В. Ходырева, Э. Шоре). Общую методологическую картину работы определяет и обращение к идеям, высказанным в рамках постколониальных исследований (Б. Андерсон, Х. Бхабха, Л. Ганди, Э. Саид), мультикультурализма и этнических литератур США (Э. Саид, Г. Ансальдуа, Т.В. Воронченко, А.В. Ващенко, М.В. Тлостанова, С.П. Толкачев, Н.А. Высоцкая), постмодернизма (Ю. Кристева, Р. Барт, И.П. Ильин, Г.А. Фролов, Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий, Н.Б. Маньковская, И.С. Скоропанова), латиноамериканской литературы и магического реализма (Е.В. Огнева, Ю.Н. Гирин, Б.В. Дубин, В.Б. Земсков, А.Ф. Кофман, С.П. Мамонтов, Ю.Б. Боров, Ф.Л. Альдама, М.К. Согомонян), мифологии и мифопоэтики (А.В. Ващенко, Т.Д. Реболledo, Н. Гебхардт).

Положения, выносимые на защиту:

1. К уже изученным зарубежными и отечественными литературоведами женским мифообразам латиноамериканской литературы мы предлагаем добавить в качестве самостоятельного **мифообраз Матери/Праматери**. Он определяет общий мифологический модус латиноамериканской литературы наравне с другими мифологемами, постоянными мотивами, художественными константами и образами, формируя «латиноамериканский художественный образ мира».
2. В латиноамериканской литературе второй половины XX века – начала XXI века появляются образы женщины и Матери, изображаемые в исторической перспективе. Интерес многочисленных писателей к мифообразу Матери/Праматери приобретает статус самостоятельного феномена, а «новый» исторический роман актуализирует ключевые исторические фигуры и источники, по-новому переосмысляя их.
3. В XX веке мексиканские писатели критически переосмысляют патриархальные мифы и связанные с ними гендерные модели и стереотипы, существующие в культуре. Актуализация образа Праматери, мексиканской Евы связана с процессом самоидентификации, идеей сохранения культурного достояния страны и глубоким осмыслением собственных традиций.

Это проявляется в активном обращении писателей к древним мифам и архетипическим образам – таким, как Пресвятая Дева Гваделупская, Малинче и Плакальщица Ла Йорона.

4. Образ Малинче развивается, превращаясь из незначительного персонажа истории завоевания Мексики из хроник XVI века в символ предательницы своего народа, а затем в **мифообраз Праматери** мексиканцев, каким она предстает сейчас. В романе Лауры Эскивель «Малинче» тема Праматери расширяется благодаря включению в текст «Кодекса Маллинали».

5. Возникают предпосылки и складываются механизмы формирования аргентинского национального мифообраза Матери как способа культурного самоопределения в контексте новейшей истории и литературы Аргентины XX-XXI вв. Появившись в 1950-е годы в Аргентине как часть политического имиджа Эвиты Перон, он был подхвачен в литературе и фольклоре и постепенно превращается в универсальный **мифообраз «Матери нации»**.

6. В 60-70-е годы XX века многие аргентинские писатели обращаются к образу Эвиты Перон как некому парадоксальному национальному феномену и результату мифотворчества коллективного сознания аргентинского народа, которое вопреки всему канонизирует и освящает ее образ. Этот процесс получает логическое осмысление в романе Абея Поссе «Страсти по Эвите», который вбирает в себя всю многогранность этого образа, черты которого зачастую только намечались у других писателей.

Теоретическая значимость работы заключается в проведении анализа женских мифообразов в латиноамериканской литературе, их систематизации, а также заполнении пробела в отечественной латиноамериканистике, связанного с выявлением и осмыслением мифообраза Матери/Праматери, наиболее ярко воплотившегося в образе Малинче в мексиканской литературе и в образе Эвиты – в аргентинской.

Практическая значимость работы. Материал, выводы и положения исследования могут быть использованы в преподавании общих курсов и спецкурсов по истории латиноамериканской литературы на филологических и гуманитарных факультетах, а также при составлении учебников по истории литератур Латинской Америки. Исследование может стать полезным для специалистов в области истории латиноамериканской литературы, истории и культуры Латинской Америки.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и представлена к защите на кафедре истории зарубежной литературы Московского государственного университета М.В. Ломоносова. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на VII Международной научной конференции «Иберо-романистика в

современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014) в докладе «Мотив чудесного дара женщины в романе Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке», IV Международной конференции молодых ученых «Мифологические образы в литературе и искусстве» (ИМЛИ РАН, 2015) в докладе «Эволюция образа Ла Малинче в мексиканской литературе второй половины XX века», на Международной научной конференции «XIII-е Андреевские чтения. Литература XX-XXI вв. Итоги и перспективы изучения» (УРАО РАО, 2015) в докладе «Образ Праматери – Ла Малинче в мексиканской литературе второй половины XX века», на Международной конференции «Юбилей португалистики в МГУ им. М.В. Ломоносова» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015) в докладе «Лики женственности в романах Жоржи Амаду и Лауры Эскивель», на XXII Международной научной конференции «Ломоносов» (МГУ, 2015) в докладе «Образ Праматери в творчестве Лауры Эскивель и Исабель Альенде», на Международной научной конференции «XIV-е Андреевские чтения. Литература XX-XXI вв. Итоги и перспективы изучения» (УРАО РАО, 2016) в докладе «Формирование и развитие образа Малинче в мексиканской литературе и культуре XVI-XXI вв.», на VIII Международной научной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016) в докладе «Мифообраз Эвиты Перон в аргентинской литературе XX века».

Некоторые положения нашего исследования легли в основу лекционного курса и практических занятий «Латиноамериканская литература XX века» в Бакинском филиале Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (2015 г.), а также применялись при проведении практических занятий, чтении лекций в рамках общих курсов по зарубежной литературе XX века и спецкурсов по латиноамериканской литературе (МГУ им. М.В. Ломоносова, Бакинский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014-2016 гг.).

Структура работы. Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения, в котором собраны наиболее интересные изображения Малинче из кодексов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, определены цель и задачи, предмет и объект исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

«Новый латиноамериканский роман», формировавшийся в 40-50-е годы XX века и переживший свой пик в 60-х - первой половине 70-х годов, имеет огромное значение для литературы и культуры Латинской Америки. Он создал уникальную поэтику латиноамериканского «художественного образа мира», в которой воплотилось осознание писателями континента «инаковости» культуры жителей их континента по отношению к западноевропейской и североамериканской культурам. «Новый латиноамериканский роман» продемонстрировал жгучий интерес к собственной истории, оригинальную трактовку современности как синтеза прошлого и настоящего, универсальность и всеохватность художественно-философских концепций, экспериментальную комбинаторную мифопоэтику.

Однако уже в конце 70-х годы XX в. стало заметно разочарование авторов во многих принципах и концепциях «нового латиноамериканский романа». К началу 80-х годов уходят из жизни многие писатели старшего поколения создатели новой прозы: М.А. Астуриас, Х. Лесама Лима, П. Неруда, Х.-Л. Борхес, А. Карпентьер, Х. Кортасар; другие же – Г. Гарсиа Маркес, Ж. Амаду, Х.К. Онетти, К. Фуэнтес, А. Роа Бастос, М. Варгас Льюса – ищут иные пути для творчества. Появляется множество новых течений и явлений в литературе, постоянно взаимодействующих между собой, таких, как «литература свидетельства», проза «повседневности», «новый» исторический роман. Молодые романисты – такие, как С. Сардуй, Г. Кабрера Инфанте, М. Пуиг, М. Скорса, Х. Ортега, Ф. дель Пасо, И. Альенде, Л. Эскивель, Р. Ферре, А. Поссе и др., – ищут альтернативные способы самовыражения, осознанно или спонтанно отталкиваясь от «нового латиноамериканского романа», или переосмысляя его опыт.

Для этой новой литературы характерно обостренное внимание к частному, к образам конкретных фигур прошлого и стремительно развивающегося настоящего, в отличие от тяготения «нового латиноамериканского романа» к обобщенному универсализму. Вместе с тем, как будет показано в нашем исследовании, тема поиска «правды» и «истины» традиционная для «нового латиноамериканского романа», модифицируется, получая новую интерпретацию.

Одной из стратегий полемики с традицией «нового латиноамериканского романа» становится поиск писателями новых способов и форм самовыражения – в своих работах они сознательно отказываются от сложившихся форм повествования. Исследователи латиноамериканской литературы Дж. Кристи, Д. Мэдсен, Э. Мерманн-Йозвиак, А. М. Сандоваль отмечают присущие этим художественным произведениям эклектичность, гибридность, нелинейность и фрагментарность, «лингвистическое переключение кодов» –

одновременное использование в рамках одного и того же произведения двух языков. Упомянутые особенности свидетельствуют о наличии в творчестве таких писателей, как И. Альенде, Л. Эскивель, Т.Э. Мартинес, А. Поссе, элементов постмодернизма, оказывающего большое влияние на литературу второй половины XX века. В период 1980-2010 гг. жанры малой прозы, столь часто разрабатываемые авторами предыдущего поколения, уступают первенство романной форме повествования, в частности жанрам автобиографии, роману воспитания и «новому» историческому роману. Отдается предпочтение повествованию от первого лица, писатели стремятся запечатлеть и проанализировать опыт становления и существования на границе культурных миров.

Новые тенденции и принципы латиноамериканской прозы были сформулированы чилийским писателем А. Скарметой в статьях «Тенденции новейшей латиноамериканской прозы» (1975), «Новейшее поколение: различные характеристики и общие границы» (1976), «В конце концов жизнь – это наиболее близкая вещь, к которой может прикоснуться писатель» (1979).

По мнению А. Скарметы, писатели теперь не претендуют на «спасение мира», а стремятся лишь к воспроизведению действительности, пропущенной сквозь призму восприятия «героев с маленькой буквы». Нам представляется, что с этим нельзя согласиться, ведь во многих произведениях, которые традиционно относят к «постбуму», большое значение обретает концепт истории и идея прогресса, зависящие как от самосознания каждого человека в отдельности, так и от народа в целом. Здесь мы скорее разделяем точку зрения его оппонента Д.Л. Шоу, который отмечает повышенный интерес писателей (И. Альенде, Т.Э. Мартинес, Е. Понятовска, А. Поссе, Л. Эскивель) к поиску и выделению **национальных мифообразов и героев**. Такие произведения становятся «национальными аллегориями», символами на пути самоопределения латиноамериканцев⁴⁵.

На наш взгляд, именно поэтому в литературных произведениях латиноамериканских писателей последних десятилетий все чаще возникает тема **Матери и Праматери**, американской Евы, что прямым образом связано с развитием процесса самоидентификации наций и обусловленном им интересе писателей к индейской мифологии и переосмыслению истории.

Идея сохранения традиций и культурного достояния предыдущих поколений занимает важное место в творчестве латиноамериканских писателей. Отметим вместе с тем,

⁴⁵ Shaw D. L. Nueva narrativa hispanoamericana. – Madrid: Cátedra, 2008. p. 372.

что при включении в художественное полотно романов мифов и архетипических образов, писатели опираются не только на персонажей культурно-исторического наследия индейских предков, но и на фигуры из недалекого прошлого. В их число входят **образ Малинче** в мексиканской культуре и **образ Эвиты** – в аргентинской. Современными писателями предпринимаются попытки критического переосмысления патриархальных мифов и связанных с ними гендерных моделей и стереотипов, существующих в культуре.

В **первой главе** нашего исследования мы рассмотрели характерные особенности формирования «латиноамериканского художественного образа мира», основные устойчивые образы, мотивы, константы в латиноамериканской литературе XX-XXI вв. и их значение. Были рассмотрены также общие характеристики образа Истории в латиноамериканской литературе XX-XXI веков и «новом» историческом романе, особая связь между прошлым и будущим в Латинской Америке.

К уже изученным зарубежными и отечественными литературоведами женским мифообразам латиноамериканской литературы – таким, как чужачка, дикарка, «американская Ева» «Дева Америки», самка, женщина-пума, женщина-тигрица, амазонка, мы предложили выделить и добавить **мифообраз Матери/Праматери**. Мы считаем, что обращение многочисленных писателей в XX-XXI вв. к мифообразу Матери приобрело статус самостоятельного феномена, определив актуальность данного исследования. Этот образ стал объектом писательского внимания в годы формирования нового латиноамериканского романа (Урсула Игуаран Буэндиа, Большая Мама у Г. Гарсиа Маркеса), однако фигура Матери еще не выдвигается на первый план. Стало возможным говорить о его признаках и чертах – таких, как **«естественность»**, **связь с землей**, **открытость чуду** (Урсула Игуаран), **сверхнормативность**, **властность** (Большая Мама) и **иногда даже жестокость по отношению к своим детям**.

В годы «постбума» мифообраз Матери обретает новый статус, становится более **чувственным**, **женственным** и получает специальное осмысление (Тита у мексиканки Лауры Эскивель, Тете у чилийки Исабель Альенде). Внимание писателей сместилось к индивидуальным чертам образа Матери, их больше стала интересовать история самой женщины, а не только рода, прародительницей которого она стала.

Так, в своем романе «Шоколад на крутом кипятке» (1989) Л. Эскивель продолжает традицию, которую начал Жоржи Амаду романами «Габриэла, корица и гвоздика» (1958) и «Дона Флор и два ее мужа» (1966), где перед нами предстает целая вереница незабываемых

женских образов, обладающим чудесный даром танца, материнства, приготовления еды, даром Слова или Разрушения (именно эти качества и черты в дальнейшем лягут в основу мифообраза Матери). У Эскивель реализуется несколько типов женских образов, писательница парадоксальным образом воплощает мифообраз Матери не в фигуре матери трех дочерей (Матушке Елене), как было бы логично, а в фигуре бездетной Титы, наделенной «чудесными даром» приготовления еды. В Тите воплощаются черты женщины-самки, «Девы Америки» и образа любящей Матери. Несмотря на то, что она не имеет собственных детей, Тита – это воплощение любви, заботы и терпения по отношению к своим племянникам.

Проанализировав роман чилийской писательницы Исабель Альенде «Остров под морем» (2009) мы выявили совершенно другую интерпретацию образа Праматери. Действие романа разворачивается на Гаити в XVIII веке, во времена массовых бунтов рабов и исторических катаклизмов и перекликается с романом Алехо Карпентьера «Царство земное». Перед нами уже «история с маленькой буквы» женской судьбы рабыни Тете, заветной мечтой и целью всей жизни которой становится свобода. На протяжении всей своей жизни главная героиня вынуждена идти на компромисс и/или жертву, спасая своих родных и приемных детей, и платит за это своей свободой. Именно этой ценой заплачено за продолжение *свободного рода* Праматери которой, становится Тете на склоне лет в окружении своих многочисленных *свободных* детей, внуков и правнуков.

«Новый исторический роман» вобрал в себя и переработал всю предыдущую традицию. Именно в нем соединился интерес писателей нового романа к истории формирования латиноамериканской картины мира и сущности латиноамериканца с индивидуализмом, вниманием к мелким бытовым деталям, переживаниям и чувствам героев у писателей периода постбума. Роман такого типа выдвинул на первый план все, связанное в образе Матери с формированием латиноамериканских наций, Праматерью или заступницей которых она стала.

Во **второй главе** мы рассмотрели **мифообраз Праматери** в мексиканской культуре и литературе, которым стала принцесса Малинче – переводчица Эрнана Кортеса, сыгравшая важную роль в истории завоевания Мексики.

Многие латиноамериканские писатели в поисках национальной идентичности возвращаются к истокам своей истории и бытия, обращаются ко временам Конкисты, к тому, откуда все началось. Они снова и снова переосмысливают давно ушедшие исторические

фигуры, посредством которых выражают свое понимание истории, философии, литературы, взаимосвязей прошлого и настоящего. Одним из важнейших образов в истории и культуре Мексики, наравне с Кортесом и Мотекусомой становится образ Малинче. За пять столетий, прошедших со времен завоевания Мексики этот противоречивый образ проходит непростое развитие от символа всех предателей и соглашателей, идущих на сговор с властью имущими или завоевателями, до образа Праматери всех мексиканцев, Евы Нового Света.

Мы рассмотрели образ Малинче в контексте мексиканской литературы и культуры и проследили развитие этого образа от незначительного персонажа истории завоевания Мексики из хроник XVI века до символа предателей своего народа, а затем до **мифообраза Праматери** мексиканцев, которым она стала сейчас. Способ описания Малинче в письмах-реляциях Эрнана Кортеса, хрониках конкистадоров, а также ее изображения в индейских кодексах, позволяют говорить о том, что изначально ее фигура имела нейтральную или даже положительную коннотацию, однако к XIX веку с ростом националистических настроений и стремлением мексиканцев утвердить «инаковость» своей культуры по отношению к испанской ситуация изменилась.

Но уже в XX веке происходит новая переоценка образа Малинче, процесс реабилитации которого набирает силу в 70-80-е годы. Теперь Образ Малинче мыслится Праматерью мексиканцев и символом объединения культур. Многие писатели и литературоведы отходят от ее негативного восприятия, как предательницы, сыгравшей огромную роль при завоевании Мексики конкистадорами. Источником информации о ней становятся индейские кодексы и испанские хроники, в основном «Правдивая история завоевания Новой Испании» Берналя Диаса дель Кастильо, так как он наиболее подробно и благосклонно из всех «хронистов» описывает Малинче, выделяя рассказ о ней в отдельную главку. Отныне она изображается умной и благородной женщиной, выступавшей посредником между двумя культурами: индейской и европейской, – и положившей начало их объединению. Об этом подробнее пишет Цветан Тодоров в своей монографии «Конкиста Америки»⁴⁶.

В данной работе было показано, как в романе Лауры Эскивель «Малинче» обращение к неоднозначному образу Праматери мексиканцев, к этническим корням, к темам и образам из времен, «когда мир был молод», приобретает специфическую окраску благодаря «Кодексу Малиналли». Автор воспроизводит миф о Малинче как важнейшей исторической фигуре, Праматери мексиканцев, ставшей подругой и любовницей Кортеса и подвергает этот образ

⁴⁶Todorov T. The Conquest of America: The Question of the Other. Trans. Richard Howard. – Norman: University of Oklahoma Press, 1999.

положительным изменениям в сознании мексиканцев. Способность Малинче создавать кодексы, которые она использует, чтобы сохранить свои воспоминания, переживания и передать их последующим поколениям своих детей – мексиканцам, позволяет создать «мост», диалог культур прошлого и будущего и показать настоящее как продукт прошлого и ключ к будущему.

Образ Малинче **амбивалентен** по своей сути и вбирает в себя мифологические черты как Ла Йороны, погубившей своих детей, так пресвятой Девы Гвадалупской, считающейся покровительницей и заступницей мексиканцев. Прослеживая характер развития образа Малинче в произведениях писателей, можно убедиться в том, что, во-первых, он является лейтмотивным в реализации темы женщины и Праматери, а, во-вторых, что его модификация влечет за собой расширение диапазона темы и коренное изменение ее: на первый план в качестве доминанты выступает идея философии истории, обращенной в будущее и роль женщины в ней.

Третья глава посвящена другой ключевой фигуре в истории целой страны – на этот раз Аргентины – Эве Перон, Эвите, «Матери нации». Популярность и важность фигуры Эвы Перон, как символа и «Матери нации», в истории Аргентины главным образом связана с целым рядом изменений, произошедших, когда у власти находился ее муж Хуан Перон.

Образ Эвы Перон начал формироваться в 1950-е годы и продолжил – после ее смерти, постоянно обновляясь, обогащаясь новыми чертами и характеристиками, постепенно превратился в универсальный мифообраз, знакомый каждому аргентинцу. Эта фигура снова и снова вдохновляла писателей, режиссеров, композиторов. Образ Эвиты вообрал в себя множество подлинных и вымышленных свойств, характеристик и ликов реальной Эвы Перон. Следует отметить, что образ Эвиты неоднозначен и, так же, как и образ Малинче, внутренне противоречив. Поэтому писатели, обратившиеся к проблеме мифологизации фигуры Эвы Перон, работали с материалом традиционно вызывавшим отторжение, иронию или недоверие. Но, с другой стороны, они вынуждены были констатировать значимость и закономерность формирования такого явления, как превращение фигуры Эвы в мифообраз Матери Нации. Этот процесс стал предметом осмысления в истории аргентинской литературы XX-XXI вв. В данном случае народное мифотворчество представляет собой интересный парадокс, который становится предметом специального изучения в нашей работе.

Рассмотрев образ Эвы Перон в контексте новейшей аргентинской истории и литературы XX - XXI вв., мы выявили предпосылки и механизмы формирования

национального мифообраза Матери как способа культурного самоопределения аргентинцев. Начав формироваться в 1950-е годы в Аргентине как часть политического имиджа, он был подхвачен в литературе и фольклоре, и превратился в универсальный **мифообраз «Матери нации»**. Следует отметить, что процесс превращения этой исторической личности в мифообраз не завершен и поныне.

Так, появляются произведения, сюжет которых сосредоточен на церемонии прощания народа с Эвитой и дани уважения, отдаваемой ей аргентинской общественностью: рассказы «Она» (Ella, 1953) Хуана Карлоса Онетти, «Симулякр» (El simulacro, 1960) Хорхе Луиса Борхеса, «Мертвая сеньора» (La señoга muerta, 1963) Давида Виньяса, «Эта женщина» (Esa mujer, 1965) Родольфо Уолша.

Заупокойное бдение занимает необычайно важное место в целом корпусе произведений аргентинских писателей, поскольку понимается как попытка утвердить свою новую святыню. Писатели, различные по политическим и творческим воззрениям, обращаются к периоду, когда аргентинский народ наделил Эвиту жизнью после смерти, сделал ее выразительницей своих проблем, желаний и надежд, национального сознания, стихийно превратил ее в **мифообраз «Матери Нации»**. Им важно было запечатлеть коллективное мифотворящее сознание народа, когда все без исключения – и богатые, и бедные – были движимы невероятно сильными эмоциями и чувствами, испытывая которые они создавали новый мифообраз, вопреки всему, что они видели и слышали в реальности.

Если мифообраз Малинче сформировался на основании традиционных мифологем и автохтонных образов, «вписанных» в неготовую, становящуюся действительность Нового Света, то в случае с Эвитой речь должна идти о мифогенезе иного типа - такого, который Ю.Н. Гирин связывает с понятием «инвенции». Феномен этот включает и увенчавшиеся успехом усилия политтехнологов, и параллельно развивающийся стихийный процесс народного мифотворчества, «изобретения» новой святой. Причем процесс этот выходит из-под контроля, обретает невиданный масштаб после смерти Эвы Перон, способствуя ее превращению в мифообраз Матери Нации. Аргентинская литература на рубеже 70-х годов XX века пристально следит за тем, как антимиф превращается в миф. В этом ракурсе в работе рассматриваются произведения Х.Л. Борхеса, Х.-К. Онетти, С. Окампо, Д. Виньяса и др.

Изучение значительного корпуса художественных произведений, посвященных Эве Перон, и сопоставление их с автобиографией «Смысл моей жизни» (с учетом всего

разнообразия модусов повествования) позволило нам говорить о парадоксальности черт, формирующих этот мифообраз.

Мифообраз Эвиты получает логическое осмысление в романе Абея Поссе «Страсти по Эвите», в котором автор стремится не только описать последние месяцы жизни Эвы, но также и показать все предпосылки, переосмыслить все события ее жизни, которые привели ее к вершине, сделали ее Эвитой. Мы рассматриваем этот роман не как биографию Эвы Перон, а скорее, как «новый» исторический роман, в котором сделана попытка наиболее полно изобразить и раскрыть фигуру Эвиты. Те черты и характеристики мифообраза, которые только намечались в других произведениях, в полной мере нашли отражение в романе «Страсти по Эвите». Полифоничный роман Поссе, рассказанный множеством голосов, которые отражают множественность точек зрения аргентинского народа во всем его разнообразии, вобрал в себя всю многогранность образа Эвиты. Он предлагает новый взгляд на историю в целом, запечатлев черты национального мифообраза, который может объединить всех аргентинцев, какими бы разными они ни были.

В **Заключении** представлены кратко сформулированные основные результаты проведенного исследования.

Прослеживая формирование и развитие образов Малинче и Эвиты в латиноамериканской культуре и литературе, мы выявили такие мифологические характеристики, присущие им, как **амбивалентность, «хаотичность» и в то же время внесение порядка в хаос, предопределенность трагичности жизни и смерти, «жизнь в смерти», страстность, многогранность, парадоксальность материнства во всех его проявлениях, укорененность в собственном мире, связь «с землей», подлинность, умение познавать мир «естественным», интуитивным способом, необычайная привлекательность и харизма, покоряющая и меняющая всех окружающих, открытость чуду.** Мы показали, как развивается мифообраз Матери в Латинской Америке от образа Малинче – Праматери мексиканцев до «Матери аргентинской нации», которой стала в XX веке Эва Перон.

Необычайная роль и значимость образов Малинче и Эвиты в истории и культуре своих стран позволяет говорить о потребности латиноамериканцев в образе Матери, заступницы и покровительницы, способной изменить традиции, помочь осознать свое место в стремительно меняющемся мире и дать надежду на лучшее будущее. Тема Матери/Праматери в латиноамериканской культуре и литературе расширилась до попытки

осмысления сущности человеческого бытия, раскрытия и понимания собственной роли в мире и, наконец, утверждения своего «я». Она вобрала в себя мозаику разного рода духовных и житейских проблем и отражает, в конечном счете, большую, единую картину латиноамериканской жизни.

По теме нашего диссертационного исследования опубликовано 7 научных работ, в том числе три в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

1. Образ Праматери – Ла Малинче в мексиканской литературе второй половины XX века.// Вестник Университета Российской академии образования, 2015, № 3. С. 107-112.

2. Образ Малинче сквозь призму кодексов.// Латинская Америка, 2016, № 10. С. 93-103.

3. Мифообраз Эвиты Перон в аргентинской культуре и литературе XX-XXI вв.// Вестник Воронежского государственного университета, 2016, № 4. С. 5-9.

4. Мотив чудесного дара женщины в романе Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке».// Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. Материалы VII Международной конференции, 27-28 ноября 2014. – М.: МАКС Пресс, 2014. С. 16-18.

5. Образ Праматери в творчестве Лауры Эскивель и Исабель Альенде.// Материалы Международного молодежного форума «Ломоносов-2015»./ Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – М.: МАКС Пресс, 2015 (CD).

6. Чудесный дар женщины в романе Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке».// Вопросы иберо-романистики. 2015. Вып. 14. С. 39-44.

7. Мифообраз Эвиты Перон в аргентинской литературе XX века.// Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. Материалы VIII Международной конференции, 24-25 ноября 2016. – М.: МАКС Пресс, 2016. С. 10-12.